

Щасливая Н. С.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ В. КАВЕРИНА “ОСВЕЩЕННЫЕ ОКНА”)

В статье рассматриваются особенности функционирования цитатных интертекстуальных элементов и прецедентных феноменов в автобиографическом произведении В. Каверина “Освещенные окна”, анализируются способы введения “чужого слова” в ткань нового повествования.

***Ключевые слова:** цитата, интертекстуальное включение, прецедентное высказывание, автобиографический дискурс.*

Автобиографический дискурс – особый вид дискурса, предполагающий самовыражение, самооценку, саморепрезентацию автора, несущий в себе большую смысловую нагруженность. Контаминация двух повествований – исторического и автобиографического – позволяет сделать вывод о том, что автор моделирует себя в качестве непосредственного свидетеля большой истории, для которого события истории и его собственное слово об истории равнозначны и являются составляющими авторского мифа. С точки зрения автора-повествователя, сюжет автобиографии представляется как путешествие назад во времени, в результате чего возникает ретроспективность изображения. Особый интерес представляет решение проблемы адресата, введение элементов “автокоммуникации” (когда автор обращается к самому себе), определение роли “чужого” слова, а также “другого” лица в формировании собственного “я”.

***Целью** настоящей статьи является рассмотрение особенностей функционирования цитатных интертекстуальных и прецедентных включений на материале трилогии В.Каверина “Освещенные окна”.*

Разнообразие форм цитаций, наряду с “точечными цитатами”, образует интертекстуальное единство автобиографического дискурса.

В сложном переплетении “своего” и “чужого” общая авторская концентрация смысла во вновь создаваемом тексте-интертексте возникает при трансформации и ассимиляции множества претекстов. Наблюдается постоянное приращение смысла в новом тексте путем включения в него в различных видах претекстов. В данном случае речь идет об интертекстуальных отношениях, возникающих при взаимопроникновении и взаимодействии “текстов разных временных слоев, и каждый новый слой преобразует старый” [7, с. 13].

Под *цитатой* (цитацией, цитированием, цитатной речью) нами понимается выдержка из устного или письменного текста, требующая если не абсолютной точности, то минимальных изменений содержания, характеризующаяся смысловой завершенностью, графическим обозначением (кавычки, курсив, другой типографский способ) и ссылкой на используемый источник/автора. По объему цитата может быть

как словом, словосочетанием, так и частью простого или сложного предложения, целым предложением, абзацем, главой.

Основной чертой цитатной речи является наличие двух видов информации: содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной.

Способы ввода цитаты в ткань вновь создаваемого текста определяются намерениями автора, отражающими два диалектически взаимосвязанных условия: сохранение “конструктивной упругости” (М. Бахтин) *чужого слова* и стремление к его органическому слиянию с новым текстом, с получением и вбиранием в себя новых индивидуальных смыслов. Взаимодействие разных авторских миров должен уловить и читатель. “Концептуальность цитаты заключается в том, что она служит своеобразным толчком к размышлениям как для самого цитирующего автора, так и для адресата текста” [1]. Сущность восприятия текста и подтекста, следовательно, состоит в том, чтобы понять как горизонтальный, так и вертикальный контекст (О. С. Ахманова), созданный путем использования цитаты.

Преднамеренная цитация, подчеркнутая маркерами цитаты, всегда определяется общей интертекстуальной стратегией автора нового текста, которая должна быть постигнута читателем. Интертекстуальность позволяет нарушить как линейность, так и линейность развития текста и вовлечь в процесс понимания и интерпретации другой текст [7, с. 11–12; 8, с. 61]. Таким образом, в цитате изначально заложен принцип диалогичности: во-первых, между разными текстами в пространстве вновь создаваемого текста, во-вторых, между субъектом, создающим текст, и субъектом, воспринимающим его. Именно это в первую очередь позволяет наблюдать главное *эстетическое* содержание интертекстуальности – несравненную “радость открытия в сокрытии” (М. Цветаева).

Необходимо отметить, что языковые маркеры приобретают дополнительные смыслы и эксплицитную энергию, будучи помещенными автором в сильные позиции текста, – *заглавие, посвящение, эпиграф*.

В автобиографической трилогии “Освещенные окна” В. Каверин вводит читателя в смысловое поле произведения через осмысление двух эпиграфов, которые представлены закавыченными атрибутированными цитатами. “*Буря не утихла; я увидел огонек и велел ехать туда*”, – цитатой из “Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Метель” А. С. Пушкина начинается интертекстуальная игра автора с претекстами. Проводя параллель с прецедентной ситуацией, которая аллюзийно вводится посредством цитаты, приходим к выводу, что ключевым в этом прецедентной высказывании (ПВ) выступает существительное “буря”, что в переносном смысле характеризует состояние эпохи (т.е. постреволюционный период), описываемое в конце повести. Церковный огонь ассоциируется со “светом в конце туннеля” или с каверинским “*колодцем, который из вертикального становится горизонтальным, чтобы вдоль него было легче бежать*” [4]. Этот “огонь” писатель хранит на протяжении многих лет с того момента, как покинул псковский дом и отправился с братом в Москву.

Следующим эпиграфом В. Каверин избрал высказывание П. Пикассо *“Надо потратить много времени, чтобы стать, наконец, молодым”*. На наш взгляд, приведенные слова описывают состояние души зрелого автора во время работы над автобиографическим произведением. Эта работа потребовала от автора *“остановиться с разбега”, “остаться наедине с собой”, “всмотреться в себя”,* погрузиться в воспоминания. В результате автор в своем сознании *“построил” “Город детства”* – первую главу повести. За ней возникли следующие главы: *“Семья”, “Кто я”, “Мой старший брат”* и т.д. Автору пришлось докапываться до истоков своего подсознания, воссоздавая реальную картину детства.

Заглавие произведения *“Освещенные окна”*, на первый взгляд, не вызывает никаких ассоциаций и вполне соответствует тексту автобиографического дискурса: главы повести выступают как *“окна”,* из которых *“проливается свет”* на события, описываемые в них. Но интерпретировать заглавие можно двояко – далее в тексте трилогии встречаем такое же словосочетание: *“С тех пор как немцы заняли Псков, уже в семь часов становилось тихо и пусто. Только на Сергиевской стояла очередь у публичного дома, и теперь, когда мы ехали мимо, тоже стояла. В освещенных окнах мелькали растрепанные девицы, солдаты громко разговаривали, смеялись, а из ворот, оправляя мундиры, выходили другие”* [4]. Однако в этом контексте в здании с освещенными окнами, как это ни странно обнаружить, находится, извините, бордель. Можно ли интерпретировать отношение заглавия к представленному выше одноименному словосочетанию как интертекстуальные или же это просто случайность? М. Л. Гаспаров справедливо отмечал: *“Интертекстуальный анализ до сих пор остается скорее искусством, чем наукой. Отчасти потому, что не решен вопрос: где кончается интертекст и начинается случайное совпадение”* [2, с. 3]. Но если это не случайность, тогда ее можно рассматривать как мастерски завуалированную аллюзию, где бардак и непостоянство революционной эпохи автор облекает в форму одного слова – *“бордель”*. В этом случае и пушкинская *“буря”* (см. первый эпиграф) выступает подтверждением нашего предположения. В. Каверин приводит в качестве примера следующие строки из статьи под названием *“Гибель революции”,* эта статья была опубликована в псковской газете тех времен: *“Но вот прошли три месяца, и мы с ужасом и недоумением убеждаемся в том, что вся революция пропитана ядовитыми соками охлократии, демагогии, глупости и бездарности. Надоело говорить о том, что невероятный произвол, грубейшее насилие, система террора, господствующая сейчас в России, не могут внушить ничего, кроме ужаса и отвращения”* [4]. Таким образом, заглавие и эпиграфы, находясь в сильной позиции, представляют собой средства интертекстуальности и создают проекцию предшествующего текста на последующий текст, а также дополнительные предпосылки к разворачиванию смысла.

Являясь наиболее выразительной стратой интертекстуальных феноменов в ткани автобиографического повествования, цитаты в своем большинстве атрибутированы или же атрибуция легко извлекается из контекста прозы: *“В статье “Как мы пишем” Тынянов советовал не полагаться на историков, обрабатывающих*

материал, пересказывающих его: “Не верьте, дойдите до границы документа, продырявьте его” [4]. Нередко, кроме указания авторства цитатного элемента, атрибуция указывает и точный источник цитаты, например: “Читая “Письма и неопубликованные материалы” известного физиолога А. А. Ухтомского, записанные его ученицей А. А. Шур (“Письма А. А. Ухтомского”, “Пути в неземное”. “Советский писатель”, 1973, стр. 418), я нашел ответ на эти детские вопросы: “... Были и есть счастливые люди, у которых всегда были и есть собеседники и, соответственно, нет ни малейшего побуждения к писательству. <...> О Сократе мы ровно ничего не знали бы, если бы за ним не записывали слов и мыслей его собеседники - Платон и Ксенофонт” [4]. Ссылки на авторитет авторов цитат делают повествование максимально объективным, что является характерной чертой автобиографического дискурса.

Вспоминая о надписи на выпускном жетоне брата “Счастье в жизни, а жизнь в работе”, В. Каверин оставляет известное высказывание без указания на авторство, но возвращаясь к нему далее в повествовании, добавляет необходимую атрибуцию: “Он [брат В. К. Лев Зильбер] подал на биологическое отделение Петербургского университета, и это было одной из первых попыток угадать себя <...>. Но от толстовского завета на гимназическом жетоне: “Счастье в жизни, а жизнь в работе” – до выбора профессии было еще далеко”.

Некоторые ПВ даны без атрибуции ввиду отсутствия ее надобности, высокая степень прецедентности обеспечивает безошибочное узнавание текста-реципиента. Например, ПВ из “Евгения Онегина” А. С. Пушкина функционирует как наиболее яркое средство экспрессивности: “Боже мой, какое смятение нахлынуло на меня! Дуэль, поединок, вызов – эти слова всегда загадочно волновали меня. То был приятный, благородный / Короткий вызов, иль картель...”. Сознательно неатрибутированная цитата служит средством выражения эмоций, обогащает образный строй произведения.

Но следует отметить, что цитаты без атрибуции не являются прерогативой автобиографического дискурса. Ему присущи разнообразные формы цитаций, авторство которых принадлежит реальным людям. Описание их жизнедеятельности автор автобиографического текста включает в повествование путем частого вкрапления цитаций. Цитата, таким образом, выступает в качестве эмблематической фигуры интертекстуальности, выполняя одну из главных функций автобиографического дискурса, – установку на правдивое сообщение о жизни как автора, так и его персонажей (реальных личностей). Так, например, описывая предпосылки написания “Освещенных окон”, В. Каверин прибегает к дословному воспроизведению слов К. И. Чуковского: “Дорогой мой, да вы даже не догадываетесь, как вам повезло, – сказал он [К. Чуковский]. Лежат целый день под зонтиком в халате. Вдруг вырваться из всей этой суеты, литературной и прочей. Никуда не торопиться! Оглядеться, очнуться! Да вам только позавидовать можно” (с. 1). Именно Корней Иванович Чуковский заставил взглянуть Вениамина Каверина на свою

болезнь как на прекрасную возможность воплотить в жизнь “свою мысль о том”, что он “должен рассказать историю своей жизни”. Произнесенные авторитетными авторами, цитаты такого типа направлены на воссоздание минувшей реальности, формируя при этом объективность повествования.

Заметим, что интертекстуальные включения в текстах даются либо дословно, либо в измененной форме. Можно также говорить о *способах трансформации ПВ*, таких как усечение компонента (-ов), их замене или добавлении.

Например, усечение цитатного высказывания автор производит с целью наиболее уместного, органичного употребления его фрагмента на фоне собственного повествования: “Я вспомнил жизнь нашей большой, беспорядочной театрально-военной семьи, “управлявшейся денщиком и кухаркой”, как сказал на вечере, посвященном памяти моего старшего брата, один из его гимназических друзей”. Автор как будто бы “вживляет” фрагменты “чужого слова” в организм нового повествования. Ср.: “Мать любила говорить, что он [отец В. К.] всю жизнь махал своей палочкой, а он называл ее “мое несчастье” и любил повторять: “Дураком, дураком”. Это означало, что двадцать пять лет тому назад он был дураком, женившись на маме”. Пестрящее разнообразие усеченных фрагментов “чужой” речи обеспечивает текст необходимой документальностью, хотя в то же время эти фрагменты служат средствами художественной изобразительности.

Некоторые элементы интертекстуальных включений представлены из архивных документов г. Пскова. В. Каверин признается, что некоторые фрагменты оказались “стертыми” из его памяти, поэтому с целью их восстановления он провел две недели среди “скромного интерьера Псковского архива”. Глава книги, посвященная “восстановленным пробелам”, так и называется “В архиве”. В таких отрывках наблюдается факсимильная точность изложения, наличие имен исторических личностей, хронимов придает повествованию особую документальную подлинность: “Семиклассник Валериан Пчелинцев получил “волчий билет” “за вооруженный грабёж”. Шестиклассник Меер Вильнер “за нанесение инспектору огнестрельных ран, от которых последовала смерть последнего...”. <...> Среди “волчьих билетов” встречаются и загадочные. Один из них был оглашен в декабре 1912 года: “Государь император повелеть соизволил лишить навсегда кадета Одесского корпуса Уланова Павла права поступить в какое-либо учебное заведение Российской Империи”. Причина не указывалась. Можно предположить, что кадет Уланов был наказан за оскорбление царской фамилии”. Как правило, усеченные цитаты атрибутированы или их атрибуция легко извлекается из контекста.

К ним можно отнести также усеченные цитаты, полный вариант которых вместе с атрибуцией представлен в постпозиции или препозиции: ““Да, в жизни есть пристрастие к возвращающемуся ритму, к повторению мотива, кто не знает, как старчество близко к детству? – писал Герцен. – Вглядитесь, что по обе стороны полного разгара жизни, <...> Чего юность еще не имела, то уже утрачено, о чем юность мечтала без личных видов, выходит светлее, спокойнее и также без личных

видов из-за туч и зорева””. Типичный пример метатекстуальности служит материалом для последующих интертекстуальных включений. Далее в тексте наблюдаем авторскую речь с элементами накануне представленного “чужого” высказывания: *“Так ко мне вернулось детство, которое судит и приговаривает “без личных видов”, беспристрастно и строго”*. В приведенных отрывках наблюдается “коловращенье” смысла ПВ – происходит ассоциативная интеракция предшествующего и настоящего текстов. В цитациях такого рода текст становится легко узнаваемым и превращается для читателя в прямую реминисценцию, что позволяет автору создавать на их основе символические образы и проводит сложные, но расшифровываемые читателем аналогии. Причем коловращенья наблюдаются как на примерах истинной интертекстуальности, так и в автоинтертекстуальности.

Атрибуция цитирования играет еще одну важную роль: она выступает той “лакмусовой бумажкой”, которая определяет степень доверия читателя к автору цитации – если атрибуция верна и автор цитации авторитетен, то в результате складывается в общем положительное мнение о говорящем, в обратном же случае формируется противоположное отношение, в подтексте которого ощущаются нотки иронии или даже гротеска, например: *“И Черни [мастер музыкальных инструментов] снова пришел, маленький, курчавый, грустный, с коричневыми, пахнущими политурой руками. Он прочел мне два стихотворенья: “Черный ворон, что ты вьешься над моею головой” и “Буря мглою небо кроет” – и сказал, что сам сочинил их в свободное время...”*. В приведенном примере наблюдаем авторскую позицию “неприкосновения” к персонажу, где читатель на основе приведенной информации самостоятельно строит суждение о персонаже, “присвоившем” прецедентный текст.

Наиболее интересной стратегией интертекстуальных феноменов являются так называемые *литературные* прецедентные феномены (ПФ), имеющие историко-национальный характер, которые В. Каверин черпает из словаря семиосферы и использует как “первичное средство коммуникации” [6, с. 492]. Так, Ю. Караулов отмечает двоякий характер функционирования цитат: “... один результат возникает в случае, если в речь включается некое высказывание, носящее характер формулы, правила (например, “Понять, сказал Рафаэль, значит стать равным”), и другой эффект наблюдается, когда цитата как бы естественным образом продолжает и развивает течение оригинального дискурса, но главная ее роль состоит в облегчении способа аргументации говорящего и в подкреплении выраженной в ней мысли ссылкой на авторитет, т.е. в апелляции к члену референтной (антиреферентной) группы [5, с. 230]. Под *референтной* Ю. Караулов понимает группу, “с которой индивид чувствует себя связанным наиболее тесно и в которой он черпает нормы, ценности и установки своего поведения” [5, с. 227].

Таким образом, ПФ в дискурсе автобиографической прозы определяют реальную референтную группу личностей, с мнениями, оценками, образами действий которых автор как действующее лицо и повествователь соотносит собственные мысли и поступки. Рассматривая цитирование как способ введения ПФ в дискурс языковой

личности, представляется возможным определить референтную группу, характерную для прозы В. Каверина. Последнюю составляют имена собственные Ю. Тынянов, Лев Зильбер, А. Блок, А. П. Чехов, В. Хлебников, Ибсен, Гамсун Кнут, И. А. Бунин, Н. А. Некрасов, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев и др. Итак, в эту группу включаются имена как главных “персонажей” повести, так и имена, вводящие прецедентные тексты или вводимые с помощью цитаций.

Рассмотрим особенности функционирования цитат, которые вводятся в новый текст “в виде формулы”. Возьмем, к примеру, атрибутированную цитату В. Хлебникова: *“И неужели так будет всегда – самое светлое в жизни будет легко забываться, а темное мучить нас упреками за то, что мы не ценили пролетевшего счастья? Через много лет, читая Хлебникова, я был поражен простотой, с которой он выразил это чувство: Как часто после мы жалеем / О том, что раньше бросили”*. Как утверждает Ю. Караулов, роль цитат этого типа заключается в обозначении “особого рода “канала”, по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий “ментальный контекст” духовного арсенала произведения, читателя, эпохи. По особенностям использования такого рода цитаты сближаются с генерализованными высказываниями, аккумулирующими в виде формул, правил, афоризмов, сентенций сумму знаний о мире и упорядоченными в индивидуальном тезаурусе [5, с. 230]. Надо признать, что атрибуция таких цитат играет второстепенную роль и служит скорее “определителем” фоновых знаний автора, нежели нацелена на читательское восприятие. Ср.: *“Кто-то процитировал ибсеновского доктора Штокмана: “Самый опасный враг истины и свободы - это соединенное свободное большинство”, – и я как будто вновь услышал голоса, доносившиеся из комнаты старшего брата”*. Документируя в собственном произведении слова, произнесенные лицом неизвестным, неопределенным, автор вносит соответствующую атрибуцию в хорошо известное ему высказывание кумира – старшего брата. Одновременно происходит и акцентирование внимания на языковой личности брата В. Каверина. Нельзя опровергнуть тот факт, что такое цитирование “естественным способом продолжает течение оригинального дискурса” и облегчает способ аргументации говорящего посредством ссылки на авторитет. В этом и заключается “двойное” функционирование цитат, на которое обращал внимание Ю. Караулов.

Таким образом, цитатные вкрапления позволяют создавать вербальные “портреты” реальных персонажей автобиографического произведения. Благодаря интертексту, данный текст вводится в более широкий культурный контекст, “а любое культурное пространство всегда интертекстуально” [9, с. 219]. В то же время цитатные элементы характеризуют автора как языковую личность, так как “языковая личность как объект исследования сливается с личностью в самом общем, глобальном, социально-психологическом смысле” [5]. Автор помнит о читателе, приглашает его к соучастию благодаря особой организации дискурса, ведь только в этом случае коммуникация является эффективной.

Л и т е р а т у р а :

1. Варченко В. В. Цитатная речь в медиа-тексте // В. В. Варченко. – М. : Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2007. – 240 с.
2. Гаспаров М. Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 61. – 2002. – № 4.
3. Денисова Г. Интертекстуальность и семиотика перевода / Г. Денисова // Текст. Интертекст. Культура: сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года) / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. имени В. В. Виноградова ; ред.-сост. В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева, – М. : “Азбуковник”, 2001. – 608 с.
4. Каверин В. А. Освещенные окна / В. А. Каверин – Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/kaverin-veniamin/72f6edc78046.html>
5. Левин Ю. И. Семиосфера Венички Ерофеева // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. – Тарту, 1992.
6. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.
7. Ямпольский М. П. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф / М. П. Ямпольский. – Москва : РИК “Культура”, 1993.
8. Eco U. - Nergaard S., Semiotic approaches, in: M. Baker (ed.), Roulledge Encyclopedia of Translation Studies. – New York, 1998. – P. 218-222.

Щаслива Н. С. Особливості функціонування інтертекстуальних засобів в автобіографічному дискурсі (на матеріалі трилогії В. Каверіна “Освітлені вікна”).

У статті розглядаються особливості функціонування цитатних інтертекстуальних вставок і прецедентних феноменів на прикладах з автобіографічного твору О. Каверіна “Освітлені вікна”, аналізуються способи введення “чужого слова” в структуру нового тексту.

Ключові слова: цитата, інтертекстуальна вставка, прецедентне висловлювання, автобіографічний дискурс.

Shchasyva N. S. The functioning peculiarities of intertextual means in the autobiographical discourse (on the material of V. Kaverin’s trilogy ‘The Lighted Windows’ (“Osveschennye Okna”).

The article discusses the peculiarities of the intertextual and precedent citations’ functioning based on the examples of autobiographical writing of A. Kaverin ‘The Lighted Windows’ (“Osveschennye Okna”); the methods of ‘foreign word’ including into the structure of new text are analyzed here.

Keywords: citation, intertextual insertions, precedent expressions, autobiographical dicourse.